

Т-48
Ф. ТКАЧЕВА

НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

РИСУНКИ А. ДЕХТЕРЕВА

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1969

14674

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Т-484

— Уф-ф-ф! Кусаются-то как! Вот вам за это! — Васюк шлепнул себя по ноге, в которую впились комары. И чуть не угодил в воду. Бревно, на котором он стоял, было очень скользкое.

— Сюда гони ряску-то! Да левей поворачивай! — хриплым басом распоряжается Антон.

— Застряло, видишь!

Васюткино бревно за что-то зацепилось. Антон подплыл вплотную и граблями оттолкнул его. Желтые цветы нырнули под бревно.

Солнце жжет, хотя полдень давно миновал. Комары стаями выются над водой. Вода у берега совсем зеленая от тины, а в заливчиках красная от водяных блох. Ряски маловато. Здесь кто-то ее выбрал раньше. Придется ехать на середину болота, которое, неизвестно почему, называется озером.

Проворно скользит Антоново бревно. Перед ним с легким шелестом раздвигаются водоросли. Разбегаются водяные пауки и водомерки.

Антон широкими взмахами граблей стягивает ряску. Только след остается на воде.

Васюк и рад бы работать, да вот грабли все запутываются. То цеглякся стебли лучицы, то нитки курчавки, а то роголистник, да уруть, да частуха, — грабли с места не сдвинешь.

— А ты сверху! Сверху загребай! Зачем на дно лезешь? — учит Антон.

А тут еще комары. Васюк то-и-дело отмахивается. Одна рубаха — плохая защита.

«Ну, уж в другой раз штанов не буду оставлять на берегу. Пусть лучше мокнут. А Антон — как хочет», — решает Васюк и в кровь расчесывает смуглую кожу.

— Заели совсем. Поедем домой!

Васюк оглядывается на город. Далеко! И что за охота Антону ходить так далеко? Сашка с Митькой всегда вон в том болоте берут. Правда, у них прыщи пошли по телу. От болота, говорят. И чешутся страшно.

— Ну, еще столько же — и довольно! — встряхнул мокрыми волосами Антон. Он с удовольствием поглядывает на валы ряски. Подогнать их к берегу, натоптать поплотней в корзины и — домой! Дело привычное.

А Васюк хорошо знает, что ряски уже набрано довольно. Просто Антон жадничает. На

берегу всего три корзины, а Антон нагребет на шесть. Лишнюю ряску сложит в кучу и не даст Васюку покою до тех пор, пока всю не перетащит домой.

— Поедем, — заели! — ноет Васюк и с тоской смотрит на костлявую спину брата.

Но Антон неумолим. Разве и его не едят комары? Разве ему тоже не хочется домой? Лучше пойти бы на речку да выкупаться, чем тут с этой ряской возиться, но нельзя: дома нечем кормить свиней и гусей.

— Знаешь, лучше поставим себе задачу: собрать вон все то, что до острова. И тогда — домой.

Посреди озера островок. Он весь как щетиной оброс камышом. А берег болотистый.

Васюк только сопит. Он знает: уж если Антон заладит что, так поставит на своем.

Бревна подплывают все ближе и ближе к острову. Антон — впереди. Островок растет пустынный и дикий. Никто еще там не был. Даже Сашка не знает его. Совсем необитаемый остров. Как бы назвать его? Антон любит всему давать свои названия: и дорогам, и улицам, и оврагам...

— Аисты! Смотри, аисты! — крикнул Васюк.

— Да. Может, там и дикие утки есть. Эх, хорошо бы осмотреть остров-то! А? Как Робин-

зон. А? Давай, Васюк! Ты будешь Пятница, а я — Робинзон. Ты...

— А-ай! — раздался вдруг визг позади.

Антон оглянулся. А Васюка нет на бревне. Только круги на ряске, да грабли валяются.

Не успел Антон сообразить, в чем дело, как из-под воды вынырнула круглая, как арбуз, голова Васюка. Черные волосы покрыты ряс-кой и улитками; по лицу ползут водоросли. Васюк отплеывается, моет лицо и хнычет:

— Тьфу! И в рот набрал. Давай руку, а то ноги завязли. Ну и болото на дне! Точно в кисель попал.

Антон подплыл ближе, опрокинул свои грабли, палкой грабельной уперся в дно и помог Васюку взобраться на бревно. Все тело мальчика было покрыто ряской и... пиявками.

— Пи вки, пиявки! Отрывай скорей! — вопит Васюк. Ему не так больно, как противно.

— Не танцуй, а то еще раз искупаешься. Да грабли подбери!

Антон попробовал снять пиявок.

— Ишь, скользкие! Не оторвешь.

Толстые черно-зеленые ленты с желтой каймой по бокам плотно присосались к телу. Не так-то просто от них избавиться.

— Скорей на остров, а то берег далеко!

Антон упирается палкой в дно и подгоняет оба бревна.

Вот и остров. На берегу важно расхаживает пара аистов. Они нисколько не удивлены и не испуганы.

— Гм! Вода у берега чистая, — значит, ключи тут бьют, — глубокомысленно замечает Антон и ловко прыгает на землю. Васюк за ним. И оба вязнут в глубокой грязи. Уж на что голенаст Антон, а и то до самых колен, как дегтем, вымазался. О Васюке и говорить нечего.

Несколько пиявок впились в Антоновы икры.

— Живей в траву!

РОБИНЗОН

Быстро прыгают мальчуганы с кочки на кочку. Осока и ракушки режут ноги. Тростник, аир, камыш. Где же остановиться? Но вот и земля!

— Становись сюда и снимай рубаху!

Васюк стянул с себя прилипшую рубаху. Антон выжал ее и раскинул по стеблям камыша.

— Пиявки, пиявки! Скорей снимай!..

Антон потянул одну. Она оторвалась и упала. Но упала не на землю, а как-то так, что снова сумела впитаться в ногу, только пониже, чем раньше.

— У, толстая!..

— Верно, крови порядочно напилась. Теперь ей надолго хватит.

— Почему?

— Потому что пиявки очень прожорливы, и если вдоволь напьются, то могут жить без пищи несколько месяцев. И даже год.

— Да ну? А ты маленьких видел?

Антон улыбнулся. Он снял с головы брата комок ряски, в котором извивалась маленькая светлая пиявочка.

— Они вот такими ниточками выходят из яиц.

— У-ю-юй! — удивился Васюк. — А отчего они такие скользкие?

— Потому что пиявки дышат всей кожей. Как черви. А через такую смазанную кожу воздух легче проходит. Эта слизь от воды кожу защищает.

Скользкие пиявки, когда их тянешь, только вытягиваются и выскальзывают из пальцев, а оторвать их трудно.

Антон сделал жгут из камыша и давай тереть им пиявок.

На обоих концах их маленьких телец по присоску. Одним, что побольше, они присасываются и прогрызают кожу: там есть три такие челюсти с зубчиками. А другим, поменьше, просто присасываются.

— Да скоро ли ты их снимешь всех? — стоит Васюк.

— Все тебе не так: то осторожней, то скорей! Подумаешь, такого пустяка не можешь потерпеть. Люди иногда лечатся пиявками.

— Как лечатся?

— Разве ты не знаешь? Есть такие пиявки. Медицинские называются. Светлее этих. Вот и приставляют их к тому месту, откуда надо кровь оттянуть.

— Ну, и что?

— Ну, они и сосут. Насосутся и отваливаются.

— Что ж эти пиявки еще едят?

— Они сосут кровь улиток, лягушек, червей.

— Разве у улиток есть кровь?

— А то как же? Только не красная, — мутная и бесцветная.

Антон оторвал одну пиявку, отрывает другую, а та, что упала, опять норовит впиться в пальцы черных ног. Антон стал отшвыривать пиявок дальше. На месте укуса ранка и сочится кровь.

А комары-то! Целый столб пляшет над головой.

Васюк отмахивается.

Рубаха немного просохла. Некогда остров осматривать — солнце уже низко. И ряси и

еще много надо собрать. Да как будто здесь нет ничего интересного. Комары да болото. Пора домой!

Идут. Черное тесто чмокает и затягивает. Кругом зеленая стена.

— Угораздило же тебя в воду! — ворчит Антон, раздвигая руками аир.

— Да! Угораздило! Комары заели! Я стал отмахиваться — вот и угораздило.

Подошли ребята к тому месту, где бревна лежали.

А бревен-то нет! Вода побагровела в солнечных лучах. Грабли на берегу, а бревен нет.

Бросились туда-сюда. Нет. Уплыли!

Ключи! В ключах все дело!

Вот тебе и Робинзон!

— А все ты, со своими телячьими нежностями: «Осторожно, ай, осторожно!» Только время зря провели. Пришли бы раньше, и ничего бы не было!..

— Ну, и заревел уже! Рева! Баба—и только!— храбрится Антон, а самому страшно. Дома-то он не сказал, куда идет. Хотел матери удовольствие сделать — принести много ряски.

А теперь, как домой попадешь? Искать будут. Пока-то догадаются! А тут ночь наступит.

Если с голоду не умрут, то комары и пиявки заживо съедят их.

Антон, увязая по колени, насколько мог, быстро побежал по берегу. Дальше — топь и тростник.

Ничего не видно.

Вернулся. Растерянно чешет подбородок. Нет бревен. Что делать?

Васюк начал хныкать.

— Подожди, обсудим. Да перестань реветь!

— Боюсь!

— Чего боишься — медведя? Лес тут, что ли?

Антон уже говорит дрожащим голосом.

— Ты посиди тут, а я обойду остров. Может, выход есть,— успокаивал он, сам не веря своим словам. Что делать? Что делать?

Васюк напился воды, вылез из грязи. Вот тут можно сесть. Он смял стебли камыша и сел у кочки. Поджал колени и на ноги натянул рубашку. На всякий случай закрыл глаза: медведь, не медведь, а так. Кто его знает? Остров-то большой и дикий.

Вечереет. Запахло стоячей водой. Поднялся туман и заквакали лягушки. Комаров — тучи.

КОМАРИНАЯ ПЕЧЬ

Усталый, недовольный, вернулся Антон. В руках и за спиной у него связки камыша.

Ничего не нашел. Никакого выхода. Вот сюда, в сторону железнодорожной насыпи, до берега, кажется, рукой подать. Но здесь очень глубоко. Вся палка грабельная уходит в воду. Переплыть? Но Васюк не умеет. Да и водоросли мешают. А там, где корзины оставлены, еще хуже. А по сторонам широко раскинулось болото — конца-краю не видеть.

Антон задумался. Жаль, что нет кремня. Зажечь бы костер из сухих трав. Может, кто-нибудь заметил бы дым.

Васюк сидя спит. Робинзон в стране комаров и лягушек.

Сквозь решетку аира мелькают городские огни. И близко, и бесконечно далеко.

Прислушался.

Кругом стоит цоканье в воде. Это караси хватают рыску. Крикнула какая-то болотная птица. Еще и еще. Где-то вдаль рявкнул автомобиль. Свистнул паровоз.

— Ты еще не заснул? Спи!

— Есть хочу!

— Завтра увидим. Утро вечера мудренее.

Комары неустанно звенят. Липнут, лезут в уши, в рот, все тело ноет от них — места нет живого: все в волдырях.

Ну и печка! Ну и жаркая! Теперь буду знать, как зовут этот остров. Комариная печь! Эх, гвоздичного бы маслица сюда. Натереть кожу. Не любят комары. Отец всегда мажет руки этим маслом, когда с Петром Ивановичем обмеряет болото. Целых полчаса ни один комар не тронет.

— А отчего они так поют?

— Кто?

— Комары.

— Маленькими крыльями. Спи!

— А разве у них есть большие? Расскажи!

— Да спи ты, наконец!

Васюк — разговорчивый мальчик. Пристанет — не отвяжешься. Его и хлебом не корми, а рассказы подавай.

— Не расскажешь — не засну!

— Ну, возьми крылья, — начал Антон. — Ты ведь видишь, сколько у них крыльев. Два. А на самом деле не два, а четыре. Только другие маленькие. И как булабочки торчат сбоку под настоящими. Этими булабочками комар быстро-быстро трясет — вот и звенит.

— Никакого звона нет. Я трясу камышом, и ничего не звенит!

— Тоже выдумал! Чего захотел! Разве ты можешь так быстро трясти, как комар своими булавочками?

— А откуда ты все это знаешь?

— Петр Иванович рассказывал.

— А отчего звенит? Струна—это крыло, что ли?

— Ну, это ты сам спроси у Петра Ивановича. Отчего убегаешь, когда он приходит?

— Да! Он меня всегда ловит и подбрасывает под потолок. А я боюсь.

— Глупости!

— А отчего мама говорит, что в ветреную погоду бывает мало комаров? Они ветра боятся?

— Не боятся, а гибнут. Личинки комаров живут в воде. Видел, как разбежались, когда мы подошли? Вот, когда комарам надо выводиться из личинок, они всплывают на воду, шкурка лопается, и комар, как на лодочке, стоит на своей шкурке и потом улетает. А если ветер, тогда тонет. Ну, теперь довольно. Спи!

Хорошо Васюку. С Антоном он ничего не боится. Антон многое знает. Почти столько же, сколько сам Петр Иванович.

ВЫХОД НАЙДЕН

Антон проснулся. Солнце стоит высоко. Невыносимо горит тело.

Антон вдруг вспомнил все.

— Васюк! Васюк!

Раздвинулась зеленая стена аира, и мелькнула грязная розовая рубаха.

— Что ты там делаешь?

— Ем.

— Что ешь?

— Аир!

Между длинными лентами аира находятся тоненькие молочного цвета листочки. Очень нежные и довольно вкусные. Конечно, насытиться ими нельзя, но они съедобны. Также можно есть белые нижние кончики камыша.

Мозг Антона напряженно работает. Как выбраться отсюда? Эх, кремень бы! Поймать рыбу, зажарить. Говорят, водяные орехи какие-то есть. Кто их знает, какие они и где их искать. Надо непременно спросить Петра Ивановича. Только бы выбраться отсюда.

«Пойду вброд», — думает Антон. — Вон в ту сторону. Там не так засасывает. Авось, доберусь. Грабли возьму. Только как этого реву тут одного оставить? Умрет от страха, пока приведу людей»...

Антон стал втупик.

— Давай вплывем, — предлагает Васюк. — Из камыша сделаем такие плавники. Знаешь, — как Митька, когда учил плавать. Две связки...

Вдруг Антон хлопнул себя по лбу.

— Плот! Плот!

— Где? — Васюк поднялся на цыпочки, чтобы рассмотреть плот на воде.

— Из камыша плот. Ура! Знаю. Живо за дело! Побольше камыша!

Антон заметался: выход найден. Энергия сразу удесятирилась.

Васюк вдруг понял. Черные глазки засверкали. Толстые губы расплылись до ушей.

Плот! Плот!

Пить воду помчались на ту сторону острова. Антон вчера заметил, что вода там подступает сразу к берегу.

Васюк едва поспевал за братом. Ноги путаются в ежеголовнике. Брызжет под рубаху грязная жижа. По лицу хлещут тростниковые метелки.

Остров большой. Мелькает желтый касатик, розовый сусак, лягушечья гречиха, ситник. Вон целая площадка незабудок. Мимо!

Почти из-под самых ног выскочила водяная курица. Шмыгнула лысуха. Мимо! Мимо! Не до вас теперь!

Но вот и берег. Тут сухо. Даже песочек есть. Не то, что там. Вода чистая, приятная. Белые цветы кувшинки только что показались из воды и наполовину раскрылись.

— Семь часов, значит до вечера успеем, — бормочет Антон, горстью черпая воду.

— Почему ты знаешь, что семь?

— А вон — водяная лилия. Она, брат, такая, что время всегда узнаешь по ней. Не всегда, правда, а в солнечный день. В семь часов раскрывается. А как только чуть начнет темнеть, уже закрывается и прячется под воду. Боится, чтобы роса в середку не попала. Или туча набежит — тоже сворачивает лепестки — дождя боится. А в пасмурную погоду и вовсе закрыта.

— А помнишь, Петр Иванович принес таких лилий; поставили в воду, — они и закрылись. И не открывались больше. А тогда жарко было, и никаких туч.

— Потому что дома темней, чем на дворе.

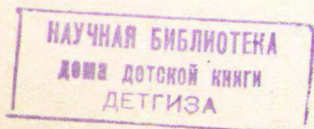
— Как их много тут!

— Да, очень много. Ну, напился? — вдруг спохватился Антон. — Придется отсюда спускать плот. Тут хоть грязи нет. Беги назад за граблями. За дело!

ЗА ДЕЛО

— Живо рви камыш! Как можно больше!

Легко сказать — как можно больше. А как-то по одному пруту срывать его! Если бы нож — другое дело.

Солнце поднимается все выше. Пальцы у Васюка горят от работы. Тело слабеет.

— Есть хочется!

— Лови лягушек и ешь!

— Что?

— Лягушек ешь!

— Сам ешь! — обиделся Васюк.

— А что ж? Едят же их люди. Да еще говорят, как вкусно. В особенности задние лапки.

Васюк измучился. Жара невыносима. Хорошо, хоть к полудню комары утомонились. Искупаться бы! Да некогда. Ах, этот камыш!

— Не могу больше, — стонет Васюк.

Антон делает вид, что не слышит.

Растет камышовая копна. Антон старается изо всех сил. На руках уже мозоли. Скорей бы! Скорей! Ни за что нельзя больше ночевать в этой «комариной печи».

— Да где ты там пропал? Что делаешь?

Васюк не шевелится. Он боится спугнуть лягушку. Вон она, насторожившись, сидит. По камышовому стеблю книзу ползет вислокрылка. Лягушка мигает веками и ждет. Вдруг высунула язык задним концом наружу — он прикреплен у лягушки передним. Цап! Готово! Насекомого нет. Лягушка сидит и часто дышит. Белая кожа под подбородком, то опускается, то поднимается.

Васюку надо непременно рассмотреть, как лягушка закрывает кожей ноздри, когда проглатывает воздух.

— Что ты тут делаешь? — налетел вдруг Антон с камышом в руках. — Слунтай! Губош. п Я один разве успею к вечеру? Или ты хочешь здесь еще ночевать?

— Я не могу больше. Пальцы болят.

— А ты посмотри на мои пальцы. — Антон протянул руку с окровавленными ногтями — Не можешь? Седьмой год тебе, а ты не можешь? Я четыре года назад не был таким лентяем. Чуть что надо поскорей, так ты «не могу». Все это лень, а не «не могу»! Оставайся тут, я один уплыву!

Васюк заскулил тихонько и протяжно.

— И всегда ревет. Это у тебя первое.

Антону стало жаль брата.

— Иди, покажу одну штуку.

Васюк грязными кулаками расписал себе лицо.

Даже Антон засмеялся.

— Иди к берегу. Я тебе устрою пруд. Интересно будет.

Вырыл в песке большую яму и соединил ее каналом с водой. Затем стал ловить при помощи рубахи население для пруда.

— Сделай шлюз в канале, а то убегут. А я принесу сейчас еще.

Перед глазами Васюка — интереснейшее зрелище. Какое движение в пруде! Танцуют вертячки, скачут блохи, ползают мокрицы. Головастик убегает от гладыша. Скорпион нацелил свои клещи в ленивого щитня.

— Вот тебе еще! — стоя в воде и что-то удерживая руками, кричит Антон.

Васюк бросился на помощь.

— Тритон! Держи! Ишь изворачивается! Заверни в рубаху!

Васюк завернул тритона в подол и бережно понес к пруду. По дороге подобрал несколько ракушек: прудовика, янтарку, катушку, и все опустил в свой пруд. Антон прибежал впопыхах.

— А это самый главный. Смотри! А водолюба не нашел.

Упругое коричневое тело шлепнулось в воду. Хищный толчок вперед. Миг — и крепкие челюсти-крючки вонзились в мягкое тело головастика. Остальные бросились в стороны. Еще бы! Появилась среди них обжора — личинка плавунца, гроза мелких подводных жителей.

— Удивительно, что тут еще рыба водится, когда такой разбойник живет. Ну, любуйся, а мне некогда.

За дело. За работу. Но как медленно! По одному ведь пруту!

ДОМОЙ

Точно серпом сжат целый угол острова. В камышовой чаще лежат длинные стебли, летят в сторону снопы. Сколько разорено гнездышек, раздавлено слизняков!

Антон остановится, вытрет красное от жары лицо, обсосет окровавленные ногти и снова работает. Ноги — в воде. Мокрая рубаха на спине высохнет и опять намокнет.

— Может, довольно? Куча порядочная.

— Васюк! Иди переносить снопы к берегу. Ну, вот, делай вот так перевесла. Надо перевязать снопы.

Кругом утоптана трава. Валяются оторванные корешки, коричневые камышовые кисточки. Васюк, подняв брови и оттопырив губы, трудится над перевеслами.

Антон связывает. Лохматые, покрытые слизью и улитками снопы один за другим мелькают под ловкими пальцами. Главное сделано. Остались пустяки. Теперь за плот. Антон, хотя и с трудом, переломил палку своих граблей пополам. Куски ее положил в основание плота, а сверху поперек стал настилать снопы.

— Подавай скорей! Не зевай! Так!

Один ряд готов. Очередь за другим.

— Говоришь, не хватит на третий? Хватит. Жара. Комары опять дают себя знать. А есть-то как хочется! Живот подтянуло. Аир больше есть нельзя — затошнит. Надо потерпеть. Уже недолго осталось. Еще несколько связок, еще несколько снопов — и готово!

— Фу! Точно гора с плеч! — Антон радостно потянулся.

— Не думал, что успею.

У ног его лежит труд целого дня. Антон посасывает ногти.

— Ну, теперь в воду. Толкай! Тащи! Хорошо, что у самого берега сделали. Вишь, какой тяжелый!

И правда. С места не сдвинуть. А если бы еще грязь была тут.

— Ну-ка! Рраз! Еще! Рраз! Дальше! Ишь, как мелко тут. Рраз! Готово! Давай твои грабли!

Плот на воде и держится очень хорошо.

Кругом порхают синие коромысла, поденки. Несколько резвых люток уселось на плот.

По озеру от солнца прошла длинная полоса. Дальше — кусты. А еще дальше, в клубах дыма, город — громадина из железа и камня.

Как давно был там Антон! Всего только вчера, но кажется, что очень давно.

— Ну, полезай!

Дрогнул остров и задвигался вправо. Поплыл берег. Ура! Домой!

Пара длинноногих аистов в воде. Один что-то держит в носу, другой, поджав ногу, внимательно смотрит на путешественников.

Прощай, «комариная печь»!

Антон весело гребет. Васюк громко щелкает пищалкой из аира и смотрит назад.

Но что это там чернеет?

— Бревна, бревна! Антон!

Бревна вчера немного отплыли и скрылись за тростниковым выступом, чего ребята и не разглядели.

— Как же бревна-то? — волнуется Васюк.

— Да ну их! И так доедем.

Домой! Домой!

Камышовый плот, точно шкура диковинного зверя, неуклюже пробирается среди ряски и водорослей.

Васюк, шлепая комаров на ногах, становится на цыпочки, чтобы получше разглядеть берег.

Антон размашисто гребет.

Наконец-то освобождение!

Робинзоны причалили к берегу.

